

ДВОРЕЦ ЗАБЫТЫХ ФОНАРЕЙ

**Дворец забытых
фонарей. Ночь
решающего выбора**

АЛЁНА СЕВЕРИНА

Дворец забытых фонарей

Алёна Северина

**Дворец забытых фонарей.
Ночь решающего выбора**

«Автор»

2026

Северина А.

Дворец забытых фонарей. Ночь решающего выбора /
А. Северина — «Автор», 2026 — (Дворец забытых фонарей)

На столе Веры Бережной появляется письмо без обратного адреса. Свидетели дают противоречивые показания, а аудиозапись оставляет открытым вопрос о том, что именно было сказано до её начала. Серов и Платонов предлагают разные версии давнего решения. Вера отказывается выбирать наиболее удобную и ищет подтверждения каждому событию. Её расследование касается не только подложной бумаги, но и цены молчания тех, кто знал правду.

Алёна Северина

Дворец забытых фонарей.

Ночь решающего выбора

Глава 1. Наследство или письмо

Вера Бережная получила письмо в конце рабочего дня, когда над Янтарным Берегом уже зажглись первые окна, а дождь превратил улицы в длинные тёмные ленты.

Конверт лежал на её столе среди заявлений, копий свидетельств и двух папок, которые она собиралась разобрать ещё утром. Бумага была плотной, сероватой, без обратного адреса. Имя написали от руки — не каллиграфически, но так уверенно, будто отправитель заранее знал, что письмо попадёт именно к ней.

Вера не вскрыла его сразу. Она убрала в ящик бумаги, закрыла шкаф, выключила настольную лампу и только тогда вернулась к конверту.

На обороте не было печати.

— Это не почта, — сказал Артём Мельник от двери.

Вера подняла взгляд. Он стоял в мокром пальто, придерживая ладонью дверную ручку. В коридоре давно погасили половину света, и его лицо казалось резче обычного.

— А ты, значит, теперь отвечаешь за доставку?

— Нет. Я отвечаю за то, чтобы ты не открывала неизвестные письма одна.

— Удобная должность. И кто тебя назначил?

— Никто. В этом как раз проблема.

Он вошёл, оставив дверь приоткрытой. На его волосах блестели капли дождя. Артём посмотрел на конверт, но не коснулся его.

— Откуда знаешь, что он неизвестный?

— Потому что отправитель не указал себя.

— Это не одно и то же.

— Для архивов — почти одно.

Вера усмехнулась и разрезала край конверта ножом для бумаги. Внутри оказался лист, сложенный втрое, и небольшой плоский предмет, завернутый в промасленную ткань.

Сначала она развернула письмо.

«Вера Бережная.

Если вы держите это в руках, значит, папку уже вынесли из тайного городского архива. Не ищите того, кто забрал её первым. Ищите того, чьё согласие подменили.

Название дела: «Дворец забытых фонарей. Ночь решающего выбора».

Копия письма прилагается. Оригинал пропал вместе с листом регистрации.

Не позволяйте им сказать, что человек согласился, если он не мог прочесть написанное. И. К.»

Ниже стояла дата — двадцать семь лет назад.

Артём прочитал через её плечо. Вера почувствовала, как он напрягся, но промолчал.

— «Им» — это кто? — спросил он.

— Если бы автор хотел, чтобы мы знали, он бы написал фамилию.

— Значит, он хотел, чтобы мы начали угадывать.

— Или боялся.

Вера осторожно развернула промасленную ткань. На ладонь выпал небольшой латунный ключ с круглой бородкой и номером, выбитым сбоку: 14. Ничего необычного. Такие ключи годами лежали в коммунальных шкафчиках, старых почтовых ящиках, подсобках учреждений.

На кольце висела тонкая металлическая бирка, когда-то белая, теперь выцветшая до цвета старой кости.

На ней было написано: «Северная линия. Улица Фонарная».

— Обычный ключ, — сказал Артём.

— Поэтому его и положили в письмо.

Она перевернула ключ. На обратной стороне бирки виднелась ещё одна строка, почти стёртая: «Сектор 14. Приём только по согласию».

Вера перечитала её дважды.

— Где находится Фонарная? — спросил Артём.

— В старой части города, за бывшим депо. Но северной линии там нет лет сорок.

— Линии нет. Улица осталась.

Он вынул телефон, открыл карту, увеличил участок.

— Здесь, — сказал он. — Фонарная упирается в складские корпуса и выходит к набережной. Номер четырнадцать — бывшее здание городского бюро переселения.

— Ты это откуда знаешь?

— Я там был.

— По работе?

Артём убрал телефон.

— Не совсем.

Его ответ не объяснял ничего, но Вера не стала давить. Она давно поняла: Артём не лгал, однако правду часто выдавал по частям, словно опасался, что целиком она станет непереносимой.

Она снова посмотрела на письмо.

— Нам нужно найти папку.

— Нет.

— Ты даже не спросил, что в ней.

— Ты сама сказала: тайный архив, пропавшее дело, неизвестный автор и ключ от здания, где ты никогда не была. Этого достаточно, чтобы не идти туда сегодня вечером.

— А если папку вынесли сегодня?

— Тогда тот, кто её вынес, рассчитывает, что ты поспешишь.

— Или рассчитывает, что я испугаюсь.

— Ты путаешь смелость с обязанностью лезть первой.

Вера сложила лист пополам.

— А ты путаешь осторожность с правом решать за меня.

Несколько секунд они молчали. За окном прошёл автобус, разбрызгивая воду по бордюру. В стекле отразились двое — она с письмом в руке и Артём, слишком близко стоящий к столу.

— Я не решаю за тебя, — сказал он тише. — Я прошу не использовать чужую готовность помочь как разрешение на риск.

— Чью готовность?

— Мою.

Вера посмотрела на него. На этот раз он не отвёл глаз.

Она убрала ключ в прозрачный пакет, подписала дату и время получения, а письмо положила рядом с копиркой.

— Хорошо. Сегодня мы не идём на Фонарную.

— «Мы»?

— Ты сам предложил свою помощь.

— Я не предлагал.

— Ты пришёл после закрытия, прочитал письмо и начал запрещать мне действовать. Это почти официальное участие.

На его лице мелькнула усталая улыбка.

— Завтра утром проверим адрес по городским реестрам.

— И по старым спискам переселения.

— Если они сохранились.

— Если их не вынесли вместе с папкой.

Вера взяла лупу и поднесла к листу. Бумага была машинописной, но текст письма перепечатали недавно: чернила лежали ровно, без выцветших краёв. Значит, автор имел доступ к старому содержанию. А подпись «И. К.» могла принадлежать не отправителю, а человеку, чьё согласие подменили.

Под последней строкой обнаружилось едва заметное вдавливание. Вера наклонила лист к свету. Карандашом на нём когда-то писали поверх другого документа.

Она достала мягкий графитовый карандаш, положила сверху тонкую кальку и осторожно провела боковой гранью.

Проявились отдельные буквы.

«...Сазонова...»

Ниже — дата и фраза:

«Согласие на перевод в комнату временного проживания получено».

— Сазонов, — прочитал Артём. — Это фамилия?

— Похоже.

Вера продолжила работать, пока не проступила ещё одна строка: «Первоначальное заявление уничтожено по распоряжению комиссии».

Она остановилась.

— Вот цена ошибки, — сказала Вера. — Не пропавшая папка. Человека перевели, а потом уничтожили документ, которым он мог доказать, что не соглашался.

— Ты ещё не знаешь, что он не соглашался.

— Зато знаю, что его заявление уничтожили. И что дело называли «Ночью решающего выбора».

Артём наклонился к кальке.

— Нужно установить, кто такой Сазонов.

Вера уже открывала электронный реестр жителей старой части города. Через несколько минут нашла запись: Николай Петрович Сазонов, электромонтёр, Фонарная улица, дом четырнадцать, комната шесть. Дата последней регистрации — через три месяца после даты письма.

Следующая отметка была короткой: «Снят с учёта в связи с выбытием».

Адрес прибытия отсутствовал.

Вера почувствовала холод не от окна.

— Первым пострадал он, — сказала она. — Его вывезли из дома по документу, которого теперь нет.

— А если он умер?

— Тогда это не отменяет подделки.

— Нет, — согласился Артём. — Но меняет того, кому мы можем причинить вред, начав искать.

Она закрыла реестр и убрала ключ в сумку.

— Поэтому завтра начнём с живых. У Сазонова могли остаться родственники, соседи, кто-то, кто видел, как он подписывал бумаги.

— А сегодня?

— Сегодня я сохраню всё в трёх копиях.

— И ключ?

— Ключ останется у меня.

Артём кивнул, но облегчения в его лице не было.

— Тогда я провожу тебя.

— До остановки — да.

— До дома.

— Нет.

— Вера...

— Не превращай помощь в сопровождение без моего согласия.

Он замолчал. Потом отошёл от стола и открыл дверь.

— До остановки, — сказал он. — Дальше ты сама.

Вера выключила свет, заперла кабинет и на секунду задержала руку на ключе в сумке. Обычный латунный предмет тяжело ударил о блокнот, будто напомнил: завтра им придётся открыть не дверь, а чужую старую жизнь.

Утром Янтарный Берег проснулся под мелким дождём. Вода стекала по проводам, по вывескам булочной, по ржавым перилам остановок. Фонарная улица начиналась за старым рынком и спускалась к порту, где даже в такую рань пахло мокрой древесиной, углём и рыбой.

Вера вышла из автобуса на одну остановку раньше. Дальше они с Артёмом пошли пешком.

— Ты всю дорогу молчишь, — сказал он.

— Я проверяю, не изменилась ли версия за ночь.

— Изменилась?

— Нет. Но теперь в ней появился живой человек.

Артём посмотрел на неё искоса.

— Если Сазонов действительно жив, это будет хорошая новость.

— Для него — возможно. Для нас — не обязательно.

Дом четырнадцать стоял в глубине двора, за кирпичной аркой. Четыре этажа, облупленная штукатурка, водосточная труба, закреплённая проволокой. Над входом сохранилась жестяная табличка с номером, и цифра «4» была почти стёрта.

Вера достала из сумки копию реестра.

— Комната шесть должна быть на втором этаже.

— Ты уверена, что нас там кто-нибудь впустит?

— Нет.

Она нажала кнопку домофона. Внутри что-то зашипело, потом раздался женский голос:

— Кто?

— По поводу Николая Сазонова. Мы из городского архива.

— Архив закрыт для посетителей.

— Мы не просим вас открывать архив. Нам нужно задать несколько вопросов.

Наступила пауза.

— А вы кто ему?

— Никто, — ответила Вера. — Поэтому и пришли. Родственникам мы пока не звонили.

Щёлкнул замок.

— Второй этаж. Дверь напротив лестницы. Только быстро.

В подъезде пахло влажной известкой и кошачьим кормом. На стенах темнели старые прямоугольники — там когда-то висели доски объявлений. Артём поднялся первым, остановился на площадке и обернулся.

— Не входи, если не захочешь, — сказал он. — Я поговорю.

— Я умею говорить сама.

— Я знаю.

Дверь напротив лестницы открылась. На пороге стояла невысокая женщина лет шестидесяти, в шерстяной кофте поверх ночной рубашки. Волосы она собрала на затылке, а в руке держала кухонное полотенце, словно собиралась в любой момент захлопнуть дверь.

— Проходите, — сказала она. — Но если вы пришли искать его, напрасно тратите время. Вера показала удостоверение.

— Вы жили здесь в тот период?

— Всю жизнь. Меня зовут Лидия Павловна Воронцова. Я была в комнате семь. Сазонов — в шесть. Стена между нами тонкая, как картон.

— Вы помните Николая Петровича?

— Помню. Высокий, худой, всегда ходил в одной синей куртке. Электриком работал в депо. Ночью его могли поднять по тревоге, и он уходил без разговоров. Но не пил, если вас это интересует.

— Нас интересует всё, что связано с его переводом, — сказала Вера. — В реестре отмечено его выбытие. По другому документу выходит, что он уехал по собственному согласию.

Лидия Павловна усмехнулась.

— По собственному? Тогда у него, должно быть, был двойник.

— Почему?

— Потому что Николай никому не доверял бумажки. Даже квитанции хранил в жестяной коробке из-под чая. Говорил: «Подпишу — потом не докажу, что не подписывал». А вы мне рассказываете про согласие.

Артём заметно напрягся.

— Вы видели, как его забирали?

— Не забирали. Пришли двое в форме. Один был из управления домами, второй — в сером пальто. Ночью, после отключения света.

— Какого числа?

— Седьмого ноября. Или восьмого. Дождь шёл, такой же, как сегодня. Я запомнила, потому что у меня тогда подоконник протекал.

Вера открыла блокнот.

— Что они сказали?

— Что дом будут освобождать от аварийных жильцов. Николаю предложили временную комнату на окраине. Он отказался. Сказал, что никуда не поедет, пока ему не покажут распоряжение и не объяснят, почему временное жильё дают ему одному.

— И что было дальше?

Лидия Павловна отвела взгляд к коридору, где на стене висело зеркало с чёрной трещиной.

— Они попросили его расписаться, что он ознакомлен. Николай не стал. Тогда серое пальто сказала: «Не хотите по-хорошему — оформим без вас». Я слышала каждое слово. А потом они вошли к нему.

— Вы видели, что происходило в комнате?

— Нет. Дверь была закрыта. Через десять минут Николай крикнул, чтобы я не вмешивалась. Потом раздался удар. Не сильный. Будто стул опрокинули.

— Вы вызвали полицию?

— В те годы никто не вызывал полицию из-за чужой двери.

— А утром?

— Утром его уже не было.

Лидия Павловна сказала это спокойно, но полотенце в её руке сжалось.

— Вы заходили в комнату?

— Да. Дверь оставили незапертой. Кровать, шкаф, чайная коробка — всё на месте. Только из коробки пропали бумаги.

— Какая коробка?

— Я же сказала: жестяная, из-под чая. Красная крышка, на ней белая ладья. Обычная старая коробка.

Вера обменялась взглядом с Артёмом.

— Она сохранилась?

— Сохранилась. Я не выбросила. Николай обещал вернуться.

Лидия Павловна прошла в маленькую кухню, открыла верхний шкафчик и достала жестяную коробку. На крышке действительно была нарисована белая ладья, почти стёртая до серого пятна.

— После его исчезновения комнату опечатали, — сказала она. — Но печать продержалась недолго. Пришёл тот же человек в сером пальто, снял её и унёс всё, что нашёл. Коробку, видимо, не заметил. Она стояла у меня.

Вера не стала сразу протягивать руку.

— Можно посмотреть?

— Для этого я вас и впустила.

Коробка была лёгкой. Внутри лежали три ржавые гайки, моток изоляционной ленты и плоский латунный предмет размером с крупную монету, похожий на деталь старого предохранителя. На краю виднелась тонкая прорезь.

Артём наклонился ближе.

— Это не предохранитель.

— Я знаю, — ответила Лидия Павловна. — Николай называл его «свидетелем». Я не понимала, что он имел в виду.

Вера повернула предмет к свету. На латуни проступили четыре выбитые цифры: 14–06. Под ними шла короткая риска, будто часть надписи стёрли намеренно.

— Где вы это нашли?

— В коробке. Оно лежало под бумагами.

— Какими?

— Там были квитанции и заявление. Потом заявление исчезло.

— Вы помните его содержание?

— Не всё. Николай написал, что не согласен на переселение и просит предоставить копию распоряжения комиссии. Он собирался отнести бумагу в районный совет.

Вера осторожно положила предмет на чистый лист.

— Почему вы не отдали его раньше?

Лидия Павловна пожала плечами.

— Кому? После его ухода приходили спрашивать, не видела ли я чего-нибудь. Я сказала, что ничего не видела. А потом поняла, что если отдам коробку, у меня заберут и её, и память.

Артём взял блокнот, но Вера остановила его жестом.

— Нам нужно зафиксировать всё здесь. Не уносить без расписки.

— У меня нет расписки, — сказала Лидия Павловна. — И я не хочу, чтобы вы забрали вещь.

— Не заберём. Сфотографируем, опишем и оставим вам.

Вера достала телефон и включила камеру. Сначала сняла коробку с разных сторон, затем предмет, цифры, внутреннюю поверхность крышки. Под слоем ржавчины на дне обнаружились две вдавленные буквы: «К.Р.»

Артём тихо выдохнул.

— Комиссия по расселению?

— Возможно, — сказала Вера. — Но пока это только версия.

На лестнице хлопнула дверь. Лидия Павловна вздрогнула.

— Сегодня утром уже приходили, — сказала она. — Мужчина спрашивал, не появлялся ли кто-нибудь по поводу Сазонова.

— Как он выглядел?

— Лет пятьдесят. Плащ, трость. Лица я не рассмотрела.

— Он назвался?

— Нет. Но знал, что вы придёте.

Вера медленно убрала телефон.

— Откуда он мог знать?

— Вот это я и хотела спросить у вас, — ответила Лидия Павловна. — Потому что после вашего звонка мне впервые за много лет стало страшно за эту коробку.

Артём шагнул к двери.

— Вера, нам нужно уходить.

Она не двинулась.

— Нет. Сначала вы подпишете, что передали нам сведения добровольно, без давления, а предмет оставили у себя.

Лидия Павловна посмотрела на неё внимательно.

— Вы правда не станете говорить за меня?

— Не стану.

Женщина впервые за всё время улыбнулась — устало, почти незаметно.

— Тогда проходите к столу. У меня есть старый лист бумаги. И ручка тоже найдётся.

На улице дождь усилился. Когда они вышли из подъезда, Вера увидела на мокром стекле остановочного павильона отражение человека с тростью. Он стоял через дорогу, под навесом, и не смотрел на них прямо.

Артём заметил его в ту же секунду.

— Не оборачивайся, — сказал он.

— Уже поздно.

Отражение дрогнуло, фигура исчезла за автобусом. На тротуаре осталась только чёрная трость, на которую стекала вода.

Вера крепче сжала сумку, хотя латунный предмет лежал не у неё, а в комнате Лидии Павловны.

— Теперь он знает, что коробка уцелела, — сказала она.

— И что мы знаем о Сазонове.

— Нет. Хуже. Он знает, что мы не собираемся подменять его согласие своим решением.

Артём посмотрел на закрывшуюся дверь дома.

— Значит, начнёт давить на неё.

— Поэтому мы вернёмся туда с официальной регистрацией находки и попросим защиту свидетеля.

— Ты думаешь, её дадут?

— Я думаю, у нас теперь есть обязанность потребовать её.

Они пошли к перекрёстку, держась на расстоянии друг от друга. Через несколько шагов Артём сказал:

— Вера, если дело дойдёт до выбора между сохранением доказательства и безопасностью Воронцовой...

— Не заканчивай за меня.

— Я не заканчиваю. Я спрашиваю.

Она остановилась под голой веткой старого клёна.

— Тогда слушай ответ. Ни её страх, ни её согласие нельзя использовать как удобную дверь. Мы не увезём коробку без неё, не заставим её выступать и не спрячем правду ради красивого дела. Но и оставить её одну не позволим.

— Даже если она откажется?

— Помощь можно предложить. Принуждение — нет.

Артём кивнул, и в его лице появилось то выражение, которое Вера уже научилась замечать: не согласие, а принятие ответственности.

В конце улицы загорелся фонарь, хотя день ещё не закончился. Жёлтый свет расплылся в лужах, и на мгновение Вере показалось, что под ним видны стёртые цифры на латунной детали: 14–06.

Она достала телефон и набрала номер архива.

— Мне нужна регистрация вещественного свидетельства и официальный запрос по комиссии «К.Р.», — сказала Вера, когда ей ответили. — И ещё защита для свидетеля, который готов говорить добровольно.

Артём стоял рядом, не касаясь её локтя и не предлагая вести разговор вместо неё.

Впервые за этот день Вера почувствовала, что они сделали шаг не к разгадке, а к правильному способу её искать.

— Архивная служба, приёмная номер два, — ответил незнакомый мужской голос. — Назовите основание для срочного запроса.

Вера продиктовала номер дела, фамилию Лидии Павловны и коротко объяснила, что обнаружен предмет, предположительно связанный с материалами комиссии «К.Р.». На другом конце линии зашелестели бумаги.

— Предположительно — это не основание для регистрации вещественного свидетельства.

— Тогда зарегистрируйте сообщение о возможном сокрытии архивного материала.

— Такое сообщение подаётся лично.

— Мы и приедем лично.

— Приём до семнадцати ноль-ноль.

Вера посмотрела на часы. До закрытия оставалось сорок семь минут.

— Мы будем через двадцать.

— Вдвоём?

— Втроём, если свидетель согласится.

— Свидетель должен явиться самостоятельно.

Она сжала телефон, чувствуя, как внутри поднимается знакомое раздражение — не горячее, а холодное, точное. Бюрократическая фраза была удобной ширмой: если человек напуган, пусть сам доберётся до учреждения, сам назовёт своё имя в коридоре и сам объяснит, почему требует защиты.

— Запишите, что свидетель пожилой и подвергается давлению, — сказала Вера. — А также что отказ в выезде может создать для него дополнительный риск.

— Я не уполномочен делать выводы о риске.

— Но уполномочены принять заявление?

— Лично. До семнадцати.

Связь оборвалась.

— Он дал нам сорок семь минут и одновременно запретил брать с собой человека, которого собирается защищать, — сказал Артём.

— Он ничего не запретил. Он просто устроил так, чтобы ответственность оказалась на нас.

— Поедем за Лидией Павловной?

— Сначала вернёмся к ней. Если она откажется, мы подадим своё заявление и укажем, что свидетель не согласился. Если согласится — спросим, чего хочет именно она.

— А если за домом следят?

Вера посмотрела через дорогу. Автобус ушёл, оставив после себя сизый дым и качнувшийся рекламный щит. Чёрной трости нигде не было.

— Тогда тем более не будем решать за неё.

Они дошли до дома Воронцовой молча. Артём первым поднялся на крыльцо и задержался у двери, разглядывая замок. Вера заметила тонкую царапину возле скважины — свежую, светлую, как след от иглы.

— Это было? — спросила она.

— Когда мы уходили, я смотрел на замок. Такой царапины не было.

Вера не коснулась двери. Достала телефон, сфотографировала повреждение, затем постучала условным образом: два коротких удара, пауза, ещё один. Ответа не последовало.

— Лидия Павловна, это Вера. Мы не войдём без вашего разрешения.

За дверью что-то упало. Потом раздался тяжёлый, неровный шаг.

— Вы одни?

— Да.

Артём едва заметно поднял ладонь, показывая, что останется на лестнице. Вера кивнула.

Замок повернулся не сразу. Лидия Павловна открыла дверь на цепочку. Лицо её стало серым, губы дрожали.

— Он был здесь, — сказала она.

— Кто?

— Не знаю. Я не видела. Сначала позвонили. Потом вставили в замок что-то тонкое. Я отошла от двери, а через минуту услышала, как он ушёл.

— В квартиру входили?

— Не знаю.

— Можно осмотреть помещение?

Лидия посмотрела на Веру, потом на Артёма за её плечом.

— Только без полиции пока.

— Хорошо. Но если увидим следы проникновения, я не стану обещать, что смогу скрыть это от регистрации.

— Я сказала: пока без полиции.

— Я услышала.

Цепочка звякнула, дверь открылась шире.

В прихожей пахло мокрой шерстью и лекарствами. Вера не прошла дальше, пока Лидия не отступила в сторону. На тумбе лежала перевёрнутая рамка с фотографией; коврик возле двери был сдвинут на несколько сантиметров. В комнате всё выглядело почти нетронутым. Только ящик письменного стола стоял открытым.

— Я его не открывала, — сказала Лидия.

Артём остался у входа.

— Ничего не трогайте, — предупредила Вера.

Она подошла к столу и остановилась. Внутри лежали счета, старые открытки, футляр для очков. Писем на столе не было. Утром Лидия показывала им коробку с гайками, изолянтной и латунной деталью, но писем там не было. Теперь оставалось проверить, сохранились ли бумаги в другой коробке.

— Лидия Павловна, где старый лист?

Женщина прижала ладонь к груди.

— В коробке. Вместе с остальными.

— Коробка на месте?

— Да.

— Откройте её сами.

Лидия долго не двигалась. Потом прошла к шкафу, сняла с верхней полки жестяную коробку из-под печенья и поставила на стол. Руки у неё дрожали так сильно, что крышка дважды соскользнула.

Внутри лежали квитанции, выцветшая лента, несколько фотографий и письмо на плотной бумаге. Вера прежде не видела этого письма. Первой страницы в нём не было.

— Её вырвали, — прошептала Воронцова.

Край листа был рваным, с тонкими волокнами бумаги. На оставшейся части виднелись строки, написанные синими чернилами:

«...передать ключ хранения тому, кто предъявит номер...»

Ниже шёл обрывок подписи: «И. Са...»

Артём тихо выругался.

— Они искали письмо, — сказала Вера. — И не нашли его целиком.

— Почему тогда забрали страницу?

— Потому что на ней мог быть номер или фамилия.

Лидия вдруг резко отвернулась к окну.

— Я больше не буду ничего подписывать.

— Вам не нужно подписывать то, чего вы не хотите.

— Но вы сказали, что без моего заявления...

— Я сказала, что мы не станем говорить за вас. Это не значит, что у вас нет выбора.

— У меня нет выбора, — ответила Лидия. — Если промолчу, они придут снова. Если заговорю, придут те, кто захочет заставить меня говорить правильно.

Вера посмотрела на рваный край бумаги.

— Вы правы. Гарантировать безопасность я не могу. Могу только предложить сделать всё так, чтобы ваше решение было зафиксировано и никто не смог потом заявить, будто вы согласились под давлением или не понимали последствий.

— И что это даст?

— Не защиту от любого риска. Но защиту от подмены вашего голоса.

Лидия подняла глаза.

— А если я скажу не то, что вам нужно?

— Тогда это и будет ваше показание.

Несколько секунд слышно было, как в батарее перекачивается вода. Потом Лидия взяла письмо обеими руками и прижала к столу.

— Хорошо. Я поеду с вами.

Артём шагнул вперёд.

— Я вызову машину.

— Нет, — сказала Вера. — Сначала сфотографируем комнату и вызовем дежурную группу по факту попытки проникновения. Иначе в архиве скажут, что страницу потеряли мы.

— Вы обещали без полиции, — напомнила Лидия.

— Я обещала не приводить их без вашего ведома. Сейчас вы знаете, зачем они нужны. Решение за вами.

Лидия закрыла глаза. Страх не ушёл, но в её лице появилось что-то твёрдое, почти упрямое.

— Вызывайте.

Вера набрала номер, назвала адрес и спокойно описала повреждение замка, следы в комнате и исчезнувшую страницу. Артём тем временем достал из сумки прозрачный файл, но не коснулся письма.

— А латунная деталь? — спросила Вера.

Лидия посмотрела на шкаф.

— Она там.

— Оставим её на месте до осмотра?

— Нет, — неожиданно ответила женщина. — Я хочу сама её взять.

— Тогда мы зафиксируем это в протоколе.

Лидия открыла нижнюю дверцу шкафа. За стопкой полотенец стояла небольшая деревянная коробка. Она вынула её, поставила на стол и сняла крышку. Внутри, на старой кухонной салфетке, лежал обычный латунный жетон размером с крупную монету. Никаких узоров, только потемневший край и две цифры: 14–06.

Вера наклонилась ближе. В узкой прорези, замеченной ещё утром, теперь виднелась тонкая полоска бумаги.

— Не вытаскивайте, — сказал Артём.

Но Лидия уже услышала их обоих.

— Это было там утром?

— Я не видела, — ответила Вера.

— Я тоже.

Лидия отступила от стола.

— Значит, тот, кто приходил, не только искал письмо.

Вера вызвала фотофиксацию, а затем осторожно прочитала надпись, не вынимая бумагу: «Ключ не открывает дверь. Он подтверждает, кто отказался».

В комнате стало тихо. Теперь предмет требовал не разгадки, а решения: сохранить его как доказательство или уничтожить вместе с возможностью узнать, чьё согласие когда-то было превращено в подпись.

Вера закрыла файл и посмотрела на Лидию.

— Мы отвезём его в архив только вместе с вашим заявлением. Вы можете отказаться в любой момент до регистрации.

Лидия кивнула.

— Тогда поехали. Я слишком долго думала, что молчание принадлежит мне.

На лестнице уже слышались тяжёлые шаги поднявшихся сотрудников, а за мутным окном, в конце улицы, снова блеснула мокрая рукоять чёрной трости.

Сотрудники дежурной группы поднялись на второй этаж, когда Лидия уже стояла у окна, прижимая к груди пальто. Молодая женщина в серой форме первой посмотрела на взломанный замок, потом на Веру.

— Кто обнаружил повреждение?

— Я, — ответила Лидия. — После того как они ушли.

— А сейчас?

— Почти пять.

— Почему не вызвали сразу?

Лидия открыла рот, но Вера не дала ей снова оправдываться.

— Мы сами вернулись после разговора с архивом и заметили следы проникновения, — сказала Вера. — Пока не установлено, связано ли это с документами Лидии.

Сотрудница перевела взгляд на Артёма.

— Вы из архива?

— По поручению, — сказал он.

— Документы есть?

Артём достал удостоверение, показал его, не передавая в руки. Женщина записала номер. Её напарник уже фотографировал дверь, царапины на косяке и узкую щель между полотном и коробкой. Вспышка осветила лестничную площадку, облупленную зелёную краску и старую табличку с выцветшей цифрой «4».

— Следы обуви? — спросил Артём.

— На лестнице много следов, — ответил мужчина. — Но возле двери есть один свежий отпечаток. Размер сорок три, подошва с поперечной насечкой. Снимем.

Вера заметила, как Лидия вздрогнула.

— Вы кого-нибудь знаете с такой обувью?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро. Вера не стала давить. Она лишь посмотрела на женщину, потом на коробку с латунным жетоном, которую Лидия держала обеими руками.

— Предмет зафиксирован до нашего приезда, — сказала Вера сотруднице. — Мы не извлекали бумажную полоску и не меняли положение жетона.

— А письмо?

— Вот оно.

Старое письмо лежало в прозрачном файле на столе. Край бумаги был неровным, будто лист вырвали из толстой пачки. На конверте сохранился адрес, написанный чёрными чернилами: «Лидии Сафоновой. Лично». Ниже стояла дата — четырнадцатое июня, год стёрся от времени.

Сотрудница надела перчатки и наклонилась к конверту.

— Вы его читали?

— Да, — сказала Лидия. — Но не вслух.

— Что там было?

Лидия посмотрела на Веру.

— Можно?

Вера кивнула.

Лидия достала из кармана сложенный листок. Это была не копия письма, а несколько строк, переписанных её рукой.

— «Если вы получили это, значит, решение уже принято без вас. Не передавайте лист в архив, пока не узнаете, кто подписал отказ от имени тех, кто не мог отказаться сам».

Сотрудник у двери поднял голову.

— Отказ от чего?

— Этого в письме нет, — ответила Вера. — Внизу была ссылка на фонд и номер дела. Но страницы с этой ссылкой не оказалось.

— Пропала из архива? — спросила женщина.

— Из дела, которое Лидия хранила дома. Мы пока не знаем, где именно её изъяли.

— Тогда это уже не просто попытка проникновения.

Лидия наконец поставила коробку на стол.

— Я хочу, чтобы жетон тоже внесли в протокол.

— Внесём. Но вы понимаете, что после этого он станет вещественным доказательством?

— Понимаю.

— Его могут изъять.

— Понимаю.

— И вернуть не сразу.

Лидия провела пальцем по крышке коробки, не касаясь самого металла.

— Он сорок лет лежал у меня в шкафу. Если его заберут сегодня, это будет не самое страшное.

Артём бросил на неё короткий взгляд. В нём не было одобрения, только тревога.

— Вы вправе отказаться от передачи до составления протокола, — сказал он.

— Я уже сказала, что согласна.

— Согласие можно отозвать.

— Артём, — тихо остановила его Вера.

Он сжал челюсть и отошёл к окну. Вера поняла, почему он это делает: слишком хорошо знал, как формулировка в документе превращается в ловушку. Но Лидия сейчас не нуждалась в том, чтобы её защищали от собственного решения. Ей нужно было, чтобы никто не присваивал его — даже из лучших побуждений.

— Запишите дословно, — сказала Вера сотруднице. — «Передача осуществляется добровольно, после разъяснения последствий, без обещаний о сохранении тайны и без гарантии возврата предмета».

Лидия посмотрела на неё с благодарностью, но Вера не ответила улыбкой. Она знала: честность не всегда утешает. Зато после неё человек хотя бы понимает, на что согласился.

Через двадцать минут жетон, коробка, письмо и переписанные строки оказались в отдельных пакетах. Лидия подписала каждый лист протокола, перечитав его от первой до последней строки. На последней странице она задержала ручку.

— Здесь написано: «заявительница не располагает сведениями о возможном лице, совершившем проникновение». А если я располагаю?

— Тогда назовите, — сказала сотрудница.

Лидия посмотрела на мутное окно. Внизу, у фонаря, никого уже не было. Только мокрый тротуар блестел полосами, и на углу медленно разворачивался автобус.

— Я не знаю имени, — произнесла она. — Но знаю, что он приходил раньше. Три недели назад. Стоял напротив дома и смотрел на мои окна.

— Почему не сообщили?

— Потому что он ничего не делал.

— А сейчас сделал?

Лидия кивнула.

— Теперь я понимаю, что бездействие тоже бывает частью дела.

В архив они отправились на двух машинах. Вера села к Артёму, Лидию повезли отдельно. Дождь усилился, и город поплыл за стеклом: закрытые киоски, жёлтые вывески аптек, мокрые улицы, по которым машины шли медленно, будто опасались потревожить воду.

— Ты был против её подписи, — сказала Вера.

— Я был против того, чтобы она подписала её в состоянии страха.

— Она боялась и всё равно выбрала.

— Это не всегда свободный выбор.

— Верно. Поэтому мы объяснили цену. Свобода не означает, что решение принимают в удобной обстановке.

Артём долго молчал.

— Я однажды тоже сказал человеку, что выбора нет, — произнёс он наконец. — Тогда думал, что сокращаю ему путь. На самом деле просто не хотел ждать, пока он решится сам.

Вера повернулась к нему.

— И чем это закончилось?

— Он подписал. Потом отказался от подписи. А я доказал, что формально всё было правильно.

— Формально?

— Да.

За окном проплыл старый дом с заколоченным окном. Артём смотрел прямо перед собой.

— С тех пор я слишком часто слышу в чужом «да» собственное желание, — сказал он. — Иногда оно громче чужого голоса.

Вера не стала утешать его. Она положила ладонь на папку с копиями, лежавшую между ними.

— Тогда сегодня слушай внимательнее.

Вход в архив находился под бывшей конторой портового управления. С улицы это был неприметный серый фасад с бронзовой вывеской, где значилось «Отдел муниципальных коллекций». Внутри пахло пылью, влажной шерстью и кофе из автомата. За стойкой дежурил Никитин — сухощавый мужчина с аккуратно зачёсанными волосами. Он увидел Лидию и сразу выпрямился.

— Вы не должны были её привозить, — сказал он Артёму.

— Она приехала сама.

— Это не меняет положения.

— Меняет, — возразила Вера. — Она заявитель и свидетель попытки проникновения.

Её предмет принят по протоколу.

Никитин перевёл взгляд на пакет с жетоном.

— Вы понимаете, что архив не может принять всё, что кому-либо кажется связанным с историей города?

— Поэтому предмет передан не архиву, а следственной группе, — сказала Вера. — В архив он попадёт только после регистрации основания.

На секунду в холле стало тихо. Потом Никитин заметил старое письмо в отдельном пакете.

— Кто разрешил вскрывать дело Сафоновой?

— Никто его не вскрывал.

— Тогда откуда вы знаете номер фонда?

— Из письма.

Никитин побледнел так заметно, что Лидия это тоже увидела.

— Покажите журнал доступа за четырнадцатое июня, — сказала Вера.

— Журналы выдаются только по запросу руководителя.

— Тогда вызовите руководителя.

— Его нет в городе.

— Тем лучше. Запрос будет зарегистрирован до его возвращения.

Она протянула ему копию протокола. Никитин не взял лист.

— Вы создаёте проблему там, где её нет.

— Нет, — сказала Лидия. — Проблема уже была. Просто раньше вы называли её порядком.

Никитин посмотрел на неё с раздражением, которое быстро сменилось страхом. Он отступил к двери служебного коридора.

— Подождите здесь.

— Мы пойдём с вами, — сказал Артём.

— В закрытую часть нельзя.

— Тогда принесите журнал сюда, — потребовала Вера.

Никитин замер. Из кармана его пиджака выпал обычный металлический брелок — плоский, серый, с двумя цифрами: 14–06. Он быстро накрыл его ладонью, но было поздно. Вера уже увидела.

Лидия сделала шаг назад.

— Такой же номер был на жетоне.

— Совпадение, — бросил Никитин.

— Возможно, — сказала Вера. — Поэтому вы сейчас внесёте брелок в объяснение и передадите его для сравнения.

Он сжал пальцы.

— Вы не имеете права.

— А вы не имеете права уносить его после того, как он оказался связан с предметом по делу, — ответила Вера. — Либо вы отдаёте его добровольно, либо мы фиксируем отказ.

Никитин посмотрел на Артёма, словно надеялся получить от него привычное молчаливое содействие. Но Артём достал телефон и открыл камеру.

— Положите брелок на стойку, — сказал он.

Тот медленно разжал руку. Серый брелок упал на дерево с сухим звуком. На его обороте, под слоем потёртой краски, виднелась маленькая выбитая буква «Р».

Лидия закрыла глаза.

— Это был кабинет Руднева, — сказала она. — Он приходил ко мне в тот день. Говорил, что подписи уже собраны.

Вера посмотрела на Никитина.

— Кто такой Руднев?

Никитин не ответил. Но теперь молчание принадлежало уже не Лидии: его зафиксировали на камеру, внесли в протокол и положили рядом с латунным жетоном, который наконец перестал выглядеть обычной монетой.

Глава 2. Правило, которого не было

Брелок ещё покачивался на краю стойки, когда за дверью приёмной послышались быстрые шаги. Кто-то остановился, не решаясь войти.

Артём поднял голову.

— Вы кого-нибудь ждали? — спросил Никитин.

— Нет, — ответила Вера.

Дверь приоткрылась, и в кабинет заглянула женщина лет шестидесяти с мокрым платком в руке. Волосы у неё были коротко острижены и тщательно уложены, но дождь уже испортил причёску у висков.

— Здесь Вера Бережная? — спросила она.

— Да.

Женщина посмотрела на Лидию, потом на латунный жетон и серый брелок. Лицо её изменилось — не от удивления, а от усталого узнавания.

— Тогда я вовремя, — сказала она. — Меня зовут Елена Кравцова. Я раньше работала в городском архивном управлении.

Никитин резко выпрямился.

— Мы закрыты.

— Вы не архивное управление, — возразила Кравцова. — И никогда им не были.

Вера заметила, как Артём отвёл взгляд. Всего на секунду, но этого хватило.

— Войдите, Елена Павловна, — сказала она. — Только сначала назовите причину визита.

Кравцова переступила порог и прижала к груди тонкую папку в прозрачной обложке.

— Мне позвонил Артём Мельник.

Никитин повернулся к нему.

— Вы вызвали свидетеля до оформления материалов?

— Я попросил её прийти и рассказать то, что знала, — спокойно ответил Артём. — Материалы оформляем сейчас.

— Вы вообще понимаете, что делаете?

— Лучше, чем час назад.

Вера не вмешалась. Она смотрела на папку в руках Кравцовой. На первом листе, видневшемся сквозь пластик, стоял штамп городского архива и дата: 14 октября 2016 года.

— Что у вас там? — спросила она.

Кравцова положила папку на стойку, но не открыла.

— Копия журнала выдачи дел. И моё заявление, составленное сегодня. Я долго не решалась его принести.

— Почему именно сегодня?

— Потому что слышала в новостях фамилию Никитина. А потом Артём показал мне фотографию жетона.

Никитин шагнул к папке.

— Это служебные документы.

— Уже нет, — сказала Кравцова. — Я уволилась семь лет назад. А оригинал журнала передан в городской архив на постоянное хранение.

— Копия не доказывает...

— Она доказывает дату, — перебила Вера. — Если заверена надлежащим образом.

Кравцова достала из папки два листа. На одном была выписка из журнала, на другом — заверенная копия внутреннего распоряжения.

Вера прочитала вслух:

— «Доступ к материалам, связанным с обращениями граждан по объектам уличного освещения, предоставляется исключительно при наличии личного письменного согласия заявителя». Дата распоряжения — двадцать восьмое ноября две тысячи шестнадцатого года.

Лидия шумно втянула воздух.

— Но мне говорили, что это правило существовало всегда.

— Не существовало, — сказала Кравцова. — До ноября шестнадцатого года в архиве действовал общий порядок. Заявление гражданина позволяло ознакомиться с его материалами, но не требовалось для проверки служебных записей. Это распоряжение появилось после того, как из одного дела исчезли три листа.

— Из какого? — спросила Вера.

Кравцова посмотрела на Никитина.

— Из дела по дому на улице Соляной, двадцать семь.

Лидия побледнела.

— Это мой дом.

— Ваше обращение зарегистрировали четырнадцатого октября, — продолжила Кравцова. — В журнале указано: «получено через кабинет Руднева». Но в тот день Руднев официально находился на выездной проверке в северной части города.

— Значит, журнал ошибается, — сказал Никитин.

— Ошибка может быть в одной строке, — ответила Кравцова. — Но не в трёх документах.

Она раскрыла папку и подвинула к Вере копию листа регистрации. В графе «получатель» стояла подпись, похожая на размашистую букву Р. Под ней — номер внутреннего маршрута: 4-17.

Артём наклонился над бумагой.

— Четвёртый маршрут в октябре не использовали.

— Почему? — спросила Вера.

— Его отменили после аварии на улице Маячной. Машину поставили в ремонт, а маршруты временно объединили.

Кравцова подняла глаза.

— Откуда вы это знаете?

— Я тогда работал в отделе городского контроля.

— Вы были в той комиссии?

Вопрос прозвучал спокойно, но Артём словно получил удар. Пальцы его легли на край стойки и сжались.

— Был.

Вера перевела взгляд на него.

— Вы не говорили.

— Не спрашивали.

— Мы проверяем документы, связанные с вашей прежней работой, — сказала она. — Это не личный вопрос.

— Для меня — личный.

Никитин усмехнулся.

— Наконец-то что-то полезное.

Артём повернулся к нему.

— В октябре шестнадцатого года я подписал акт о том, что маршрутная ведомость по Соляной была уничтожена после технического сбоя. Я не видел саму ведомость. Поверил начальнику группы.

— И теперь выясняется, что она существовала? — спросила Вера.

— Да.

— А подпись под распоряжением о новом порядке?

— Не моя.

Кравцова молча достала ещё один лист.

Вера посмотрела на него и почувствовала, как внутри всё стало холодным. Под распоряжением стояли две визы: начальника управления Руднева и исполняющего обязанности руководителя отдела городского контроля. Вторую фамилию она знала.

Мельник.

Но подпись была не Артёма. Она лишь напоминала его почерк: те же резкие углы, тот же короткий росчерк в конце.

— Это подделка? — спросила Вера.

— Не знаю, — ответил он. — Но в тот день я был в больнице с сотрясением после аварии на Маячной.

— И всё равно подписывали документы за вас, — произнесла Кравцова. — Так мне объяснил Руднев. Сказал, что вы дали устное согласие.

Артём горько усмехнулся.

— Устное согласие не даёт права ставить подпись.

— Вот именно, — сказала Вера.

Он посмотрел на неё.

— Не надо.

— Надо. Если мы сейчас используем объяснение Лидии без её письменного согласия, чтобы получить доступ к делу, мы повторим их схему. Только назовём это необходимостью.

— А если из-за этого Никитин успеет забрать остальные документы?

— Тогда мы действуем законно и быстро. Но не превращаем чужое согласие в универсальный ключ.

Никитин воспользовался паузой и потянулся к телефону. Артём перехватил его руку.

— Телефон на стол.

— Уберите руки.

— Тогда не удаляйте переписку.

— У вас нет оснований...

— Есть, — сказала Вера. — Мы только что получили независимое свидетельство о том, что внутреннее правило было введено задним числом и могло использоваться для сокрытия материалов. Ваши действия в кабинете Руднева и связь с жетоном подлежат проверке.

Никитин медленно положил телефон рядом с брелоком. На экране высветилось уведомление: «Руднев: заberi папку до девяти».

В комнате стало тихо.

Лидия закрыла лицо ладонями.

— Он жив? — прошептала она.

— Кто? — спросила Вера.

Но ответил Артём:

— Руднев.

Никитин побледнел, а Кравцова отступила от стойки.

— Я думала, он умер, — сказала она. — Так всем сообщили после пожара в архивном корпусе.

Артём смотрел на уведомление, не прикасаясь к телефону.

— В справочнике он числится умершим, — произнёс он. — Но сообщение пришло с его старого номера.

Вера взяла лист с распоряжением и аккуратно убрала его в прозрачный файл.

— Елена Павловна, вы готовы официально подтвердить, что видели этот журнал и разговаривали с Рудневым?

— Да.

— Даже если вас вызовут на допрос?

Кравцова выпрямилась.

— Я семь лет молчала. Больше не хочу.

Вера записала её слова, затем повернулась к Артёму:

— Нам нужно ехать на улицу Соляную.

— Сейчас?

— До девяти.

— Это может быть ловушкой.

— Может. Но теперь у нас есть свидетель, документ и конкретное время.

Артём взял со стойки фотографию жетона, однако не убрал её в карман.

— Я поеду.

— Не потому, что вам нужно исправить старую ошибку, — сказала Вера. — А потому, что вы знаете, где искать.

Он встретил её взгляд.

— Иногда это одно и то же.

Вера закрыла папку. За окном дождь стекал по стеклу, размывая фонари и вывески, но улица уже не казалась бесконечной тёмной лентой: у неё появились адрес, время и человек, который семь лет считался мёртвым.

Артём первым вышел под дождь. У входа в учреждение он задержался, поднял воротник пальто и посмотрел на улицу, будто пытался разглядеть не дома, а расставленные между ними намерения.

Вера заперла дверь, проверила ручку дважды и только после этого спустилась по ступеням.

— На чём поедem?

— На моей машине.

— Вы выпили кофе?

— Три часа назад.

— Значит, веду я.

Артём хотел возразить, но промолчал и протянул ей ключи. Машина стояла у тротуара, покрытая мелкими каплями. Пока Вера устраивалась за рулём, он сел рядом и достал из внутреннего кармана плоскую папку.

— Что это?

— Свидетельство.

— Вы сказали, что знаете, где искать. О свидетельстве речи не было.

— Потому что я не был уверен, что оно сохранилось.

Он раскрыл папку не сразу. На верхнем листе стояла дата: двенадцатое октября, семь лет назад. Ниже — отметка дежурной части, фамилия ночного сторожа и короткое описание происшествия в архивном корпусе на Соляной улице.

Вера пробежала глазами текст.

— Здесь сказано, что пожар начался в два часа двадцать минут.

— Официально — в два часа сорок семь.

— Разница в двадцать семь минут.

— Достаточная, чтобы человек успел вынести папку.

Вера завела двигатель. Дворники смахнули воду, и на мгновение за стеклом проступили жёлтые окна соседнего дома.

— Почему вы не показали это раньше?

— Потому что свидетель отказался говорить. А копию мне передал не он.

— Кто?

— Сотрудник пожарной части. Он нашёл лист среди списанных журналов и оставил его у себя. Я получил копию три года назад.

Вера повернула на проспект Морской.

— И всё это время вы хранили её дома?

— Не дома. В банковской ячейке.

— Чем это отличается?

— Тем, что я боялся не только за себя.

Она бросила на него короткий взгляд.

— За кого ещё?

Артём провёл пальцем по краю папки.

— За человека, который принёс мне эту бумагу.

— Он жив?

— Да. Но после этого разговора потерял работу.

— Как его зовут?

— Сергей Воронцов. Тогда он был заместителем начальника караула. Сейчас держит мастерскую на Соляной, в доме сорок два.

Вера сбавила скорость перед перекрёстком. Красный свет отразился на мокром асфальте, смешавшись с янтарными полосами фонарей.

— Вы говорите так, будто уже решили, что он станет свидетелем.

— Нет. Я решил только, что спрошу.

— Это важно различать.

— Я знаю.

— Не всегда.

Он повернулся к ней. В салоне пахло влажной тканью, старой кожей и холодным кофе из закрытого стакана.

— Вы всё ещё сердитесь.

— Я не сержусь. Я проверяю, не пытаетесь ли вы снова решить за другого человека, что ему следует сделать.

— Воронцов сам передал мне копию.

— Три года назад, — уточнила Вера. — А теперь вы хотите привести к нему людей с документами и телефоном, который показывает сообщение от человека, официально умершего. Согласие, данное однажды, не распространяется на все последствия.

Артём опустил взгляд.

— Поэтому я сначала спрошу.

Зелёный свет зажёгся, и Вера тронулась.

Соляная улица начиналась за старым рынком. Узкая, вымощенная неровным камнем, она спускалась к воде между домами с облупившимися фасадами. Дождь здесь казался гуще: ветер загонял его под козырьки, в подъезды, под воротники. На углу висела новая табличка, прикрученная поверх старой. Под ней проступали выцветшие буквы прежнего названия — Соляной проезд.

— Адрес сорок два где-то дальше, — сказал Артём.

— Вы здесь бывали?

— После пожара.

— По работе?

— Не совсем.

Он показал на дом с закрытым магазином на первом этаже. Над дверью сохранилась вывеска «Ремонт часов», хотя стекло за ней было выбито.

— Здесь я впервые встретил Руднева.

Вера остановила машину у тротуара.

— При каких обстоятельствах?

— Он пришёл ко мне ночью.

— Когда?

— Через два дня после пожара.

— Почему к вам?

Артём не ответил сразу. Из водосточной трубы на капот падали тяжёлые капли.

— Потому что я подписал один документ.

— Какой?

— Передачу части архивных материалов на временное хранение.

— Вы имели полномочия?

— Формально — да. По факту — нет.

— Объясните.

— Мне сказали, что материалы повреждены водой и их нужно вывезти до осмотра комиссии. Папки были опечатаны. Я поставил подпись, не сверив номера. Потом выяснилось, что в списке не хватало трёх дел.

Вера выключила двигатель.

— И вы молчали семь лет?

— Я сообщил начальству.

— Это не ответ.

— В тот же день Руднев показал мне расписку, где стояла моя подпись. Он сказал, что если я начну задавать вопросы, меня обвинят в краже. Я испугался. Через месяц перевёлся в другой отдел.

— А теперь?

— Теперь у него есть сообщение на старом номере, брелок с буквой «Р» и приказ забрать папку до девяти.

— А у вас есть собственное имя в документах, которые могут оказаться частью этой схемы.

— Да.

Слова прозвучали ровно, но Вера услышала в них не признание, а впервые названную вслух опасность.

— Почему вы не сказали об этом в кабинете?

— Потому что Лидия только решилась говорить. Я не хотел превращать её свидетельство в способ отвести удар от себя.

— Но удар всё равно придётся принимать.

— Знаю.

Они вышли из машины. Вера заперла её и убрала ключи в карман. На противоположной стороне улицы горел одинокий фонарь. Стекло в нём было мутным, свет — слабым, однако вокруг него дождь на секунду становился видимым, словно тонкая сетка.

Дом сорок два оказался двухэтажным, с аркой во двор. На кирпичной стене темнел след старой копоти. Артём остановился у металлической двери, достал телефон и набрал номер.

— Сергей? Это Мельник. Я у мастерской.

Ответа не было.

Он позвонил ещё раз. За дверью что-то звякнуло, затем послышались осторожные шаги.

— Уходите, — сказал мужской голос.

— Мне нужно поговорить.

— Не сегодня.

— Сегодня пришло сообщение от Руднева.

За дверью стало тихо.

Вера заметила, как Артём сжал телефон. На экране всё ещё светила фотография уведомления. Он повернул её так, чтобы голос за дверью мог увидеть.

Засов отодвинулся.

Сергей Воронцов выглядел старше своих лет. На нём был тёмный свитер, рукава закатаны, на пальцах — следы машинного масла. Он открыл дверь ровно настолько, чтобы рассмотреть их обоих.

— Кто она?

— Вера Бережная. Она ведёт проверку по архивным материалам.

— Тогда тем более уходите.

— Вы видели Руднева после пожара? — спросила Вера.

Воронцов побледнел.

— Я уже всё сказал Мельнику.

— Нет, — ответила она. — Вы передали ему копию журнала, но это не значит, что вы рассказали всё.

Он посмотрел на Артёма.

— Ты обещал, что не приведёшь никого.

— Я обещал не приходить без предупреждения. Я позвонил.

— Это не одно и то же.

— Согласен.

Воронцов открыл дверь шире, но внутрь не пригласил.

— В тот вечер я видел человека, который вышел из архивного корпуса до начала пожара. Он нёс серую папку. Лица не разглядел. Через несколько минут появился Руднев. Не из здания — со стороны набережной.

— Почему вы решили, что это был он? — спросила Вера.

— Потому что он назвал меня по имени. И сказал, что огонь начнётся через полчаса.

Артём резко поднял голову.

— Ты никогда этого не говорил.

— Ты не спрашивал.

В коридоре мастерской пахло металлом и мокрой древесиной. За спиной Воронцова тикали настенные часы, отмеряя время слишком громко.

— Вы записали его слова? — спросила Вера.

— Нет.

— Есть ещё кто-то, кто мог его видеть?

Воронцов стиснул дверную ручку.

— Моя дочь.

— Она была там?

— Ей было шестнадцать. Она сидела в машине напротив корпуса. Ждала меня. Увидела Рудневу в свете фонаря.

— Где она сейчас?

— В Ладожске. И я не стану втягивать её.

— Мы не просим её подтверждать то, чего она не помнит, — сказала Вера. — Но если она видела человека, который официально умер до сегодняшнего вечера, это имеет значение. Решение всё равно останется за ней.

Воронцов долго смотрел на неё, затем перевёл взгляд на Артёма.

— Вот этому ты у неё научился?

— Нет, — ответил он. — Этому я научился слишком поздно.

Из глубины мастерской донёсся звук упавшего металлического инструмента. Воронцов вздрогнул и обернулся.

На его лице проступил страх, уже не старый, сохранённый воспоминанием, а сегодняшний.

— Кто-то приходил? — спросила Вера.

Он кивнул.

— Час назад. Оставили конверт.

— Где он?

Воронцов не ответил. Достал из кармана связку ключей, отпер внутреннюю дверь и отступил в сторону.

На верстаке лежал серый конверт без адреса. Под ним виднелся край папки с архивным номером, тем самым, который Вера успела переписать с журнала Кравцовой.

Артём сделал шаг, но Вера остановила его рукой.

— Не трогайте.

— Я не собирался.

— Собирались.

— Да.

Она надела перчатки, которые всегда носила в рабочей сумке, и наклонилась к конверту. На лицевой стороне стояло только одно слово: «Мельнику».

Внутри оказался лист и маленькая латунная пластинка. На листе было написано: «Ты подписал передачу. Теперь подпиши признание».

Внизу стояла дата — сегодняшняя.

А рядом с датой, почти стёртая, проступала знакомая буква «Р».

Вера не коснулась листа. Она достала телефон, включила камеру и сделала несколько снимков — общий план, крупно дату, край конверта, латунную пластинку. На пластинке не было ни номера, ни герба, только неглубокая борозда в форме полукруга и тёмное пятно у отверстия.

— Теперь можете взять, — сказала она Артёму.

— Почему мне?

— Потому что адресовано вам.

Он посмотрел на неё, но пластинку не поднял.

— Вы думаете, это отпечаток от печати?

— Думаю, она связана с документом, который вы подписали. И хочу услышать от вас, с каким именно.

Воронцов тихо прикрыл внутреннюю дверь. В мастерской стало теснее. За окном по стеклу ползли струи дождя, и жёлтый свет фонаря дробился в них на отдельные полосы.

— Не здесь, — сказал он.

— Здесь, — ответила Вера. — Если тот, кто оставил конверт, знает, где вы работаете, он знает и о других местах.

Артём взял пластинку двумя пальцами. Металл оказался тёплым, будто его недавно держали в руке.

— Я подписал передачу копий, — сказал он. — Четыре года назад.

Вера не отвела взгляда.

— Кому?

— Архивному отделу при городской комиссии по реконструкции набережной. Тогда говорили, что корпус будут освобождать перед ремонтом. Старые дела должны были вывезти в хранилище на улице Портовой.

— Вы были сотрудником комиссии?

— Временно консультировал их по технической части.

— И подписали акт передачи?

— Да.

— Оригиналы?

— Я думал, что нет.

— Вы думали?

Вопрос прозвучал негромко, но Артём вздрогнул сильнее, чем от резкого обвинения.

— Мне дали опись. В ней стояли копии журналов, несколько папок с чертежами и документы по пожарному надзору. Я сверил количество, поставил подпись. Позже выяснилось, что в машину погрузили ещё два короба.

— Вы их видели?

— Видел. Но не открывал.

— Почему?

— Потому что торопились. Начальник смены сказал, что там бухгалтерские материалы, которые уже описаны отдельно.

— А вы поверили.

— Да.

Вера перевела взгляд на конверт.

— И теперь кто-то утверждает, что вы подписали передачу не копий, а чего-то другого.

— Я принёс доказательство, что в коробах было.

Артём расстегнул внутренний карман куртки и достал прозрачный файл. В нём лежала выцветшая копия машинописного листа. Бумага была загнута по краям, возле скрепки темнела ржавая точка.

— Я нашёл её сегодня в личном деле бывшего инспектора Климова. Он умер два года назад. Перед смертью передал документы племяннице, а она отдала их мне, потому что я занимался наследством. Здесь перечислены номера коробов.

Вера надела перчатки и взяла файл.

В третьей строке стоял номер, который она переписала из журнала Кравцовой. Рядом значилось: «Материалы внутреннего архива. Доступ ограничен. Передача по согласованию с Р.».

Буква «Р» была поставлена от руки, поверх печатной строки.

— Кто такой Климов? — спросила она.

— Пожарный инспектор. Он составлял первый акт после возгорания.

— Почему вы не показали этот лист раньше?

— Потому что сегодня нашёл его у себя в кабинете.

— В кабинете?

— В ящике, который не открывал несколько лет.

— Очень удобно.

— Именно поэтому я его и принёс.

— Вы принесли не документ. Вы принесли объяснение, почему документ оказался у вас.

— Вера...

— Не называйте меня так, когда пытаетесь сократить расстояние между фактом и оправданием.

Артём сжал челюсть. Воронцов посмотрел на него с усталостью человека, который уже слышал этот разговор, только в других словах.

— Есть ещё одно, — сказал Артём. — На обороте копии стоит отметка о получении. Её поставила Елена Воронцова.

Воронцов резко повернулся.

— Она не работала в комиссии.

— Она была в машине, — ответил Артём. — В тот день вы попросили её расписаться за вас, пока ходили за ключами.

— Ей было девятнадцать.

— Но она не входила в комиссию, поэтому её подпись не считали официальной. Но она видела, кому передали короб.

— Я не давал тебе права искать её.

— Я не искал. Она сама написала мне неделю назад.

Воронцов побледнел.

Вера положила копию на верстак.

— Вы связались с ней сегодня?

— Да.

— Без согласия отца?

— Она совершеннолетняя.

— Совершеннолетие не отменяет права решить, что делать со своими воспоминаниями.

— Если мы будем ждать, пока все почувствуют себя готовыми, Руднев уничтожит оставшееся.

— А если заставить её говорить, вы получите не свидетельство, а человека, который потом не сможет отказаться от своих слов.

— Нам нужна правда.

— Нам нужна правда, полученная законно и без давления.

Артём шагнул к ней.

— Ты говоришь так, будто у нас есть время.

— У нас нет времени. Но это не даёт тебе права распоряжаться чужим страхом.

— Я знаю, что делаю.

— Нет. Ты знаешь, как исправить свою старую ошибку. Это не одно и то же.

В мастерской стало совсем тихо. Даже часы за дверью будто отступили куда-то в глубину дома.

Воронцов опустил голову.

— Позвоните ей, — сказал он.

Артём посмотрел на него.

— Ты уверен?

— Нет. Но если она уже написала тебе, решение должно быть за ней, а не за мной.

Звонок прошёл не сразу. На экране несколько раз появлялось соединение, затем гасло. Наконец лицо молодой женщины возникло в сером свете гостиничного номера. Она была похожа на отца только линией бровей и тем, как держала подбородок, когда боялась.

— Папа?

— Да.

— Ты с Артёмом?

— И с Верой Бережной.

Елена насторожилась.

— Я не хочу возвращаться в Янтарный Берег.

— Тебя никто не зовёт, — сказала Вера. — Мы хотим понять, согласна ли ты дать показания дистанционно. Только о том, что видела сама. Ты можешь прекратить разговор в любой момент. Твои слова запишут лишь с твоего разрешения.

Елена посмотрела на отца.

— Ты раньше говорил, что я всё придумала.

— Я говорил, что тебе показалось лицо. Не всё остальное.

— Ты сказал, что если я расскажу, нас обоих обвинят.

Воронцов закрыл глаза.

— Я ошибся.

Елена долго молчала. Потом спросила:

— Что именно вы нашли?

Вера показала ей через камеру копию листа, не приближая изображение к объективу.

— Номер короба. И вашу подпись в отметке о получении.

— Я помню не подпись.

— Что вы помните?

— Короб был не деревянный. Серый, с металлическим уголком. На боку кто-то приклеил детский рисунок — жёлтый фонарь, очень криво. Мужчина, который его нёс, снял рисунок перед тем, как положить короб в машину. Я ещё подумала, что он выбросит бумагу, но он спрятал её в карман.

Вера почувствовала, как внутри всё связалось: улица, фонарь, старое письмо, обычная на вид вещь, которая переходила из рук в руки вместе с чужой тайной.

— Вы видели мужчину, который нёс короб?

— Да. Это был не Руднев. Руднев пришёл позже.

— Вы уверены?

— В Рудневе — да. Он стоял под фонарём. А тот мужчина был в сером пальто и хромал на левую ногу.

Воронцов резко поднял голову.

— Ты мне этого не говорила.

— Ты не спрашивал.

Эти слова повисли между ними, повторяя сказанное им самим несколькими минутами раньше.

Вера записала время разговора и спросила:

— Елена, вы разрешаете сохранить эту запись и передать её следственной группе?

Девушка сжала губы.

— Только запись разговора. Не мой адрес и не место, где я остановилась.

— Согласна, — сказала Вера.

Артём отвёл взгляд. На его лице не было облегчения — только понимание цены, которую Елена всё-таки согласилась заплатить.

Когда звонок закончился, Воронцов сел на табурет.

— Теперь вы понимаете, почему я молчал?

— Понимаю, — ответила Вера. — Но молчание не защитило её. Оно оставило её одну с тем, чего она не могла проверить.

Артём достал телефон.

— Нужно ехать к Кравцовой. Если в журнале есть отметка о передаче, мы сопоставим её с копией и записью Елены.

— Сначала — в архивный корпус, — сказала Вера. — Номер короба мог сохраниться в журнале доступа. И я хочу увидеть место, где стояла машина.

Он кивнул, но прежде чем убрать телефон, на экране всплыло новое сообщение с неизвестного номера.

«Не ищите человека с хромотой. Ищите того, кто разрешил вам искать».

Артём прочитал первым и передал телефон Вере.

Она перечитала сообщение, затем посмотрела на подписанный им лист.

— Теперь понятно, почему письмо пришло вам.

— Потому что я подписал передачу.

— Нет, — сказала Вера. — Потому что вы всё ещё считаете, что имеете право решать за других, если уверены в цели.

— А ты?

— Я решу сама. Но не за Елену, не за Воронцова и не за вас.

Она сняла перчатки, убрала копию в отдельный пакет и положила латунную пластинку рядом с конвертом.

— Едем вместе, — сказала Вера. — Однако с этого момента каждый документ мы предъявляем друг другу до того, как используем его.

Артём посмотрел на неё.

— Даже если это помешает?

— Особенно если помешает.

Он кивнул, и впервые за весь вечер спор не продолжил. Перед выходом Вера убрала лежавшую рядом с конвертом латунную пластинку в пакет с копией.

На улице дождь почти кончился, но на мостовой ещё дрожали отражения фонарей, пока Вера и Артём закрывали за собой дверь мастерской, оставляя Воронцову право самому решить, следует ли он за ними.

Дождь оставил на мостовой тонкую плёнку, и фонари расплывались в ней жёлтыми пятнами. Вера шла к машине, прижимая к себе пакет с копией и латунной пластинкой. Артём отпер дверь, но не сел за руль.

— Перед тем как ехать, — сказал он, — я должен показать тебе ещё один документ.

— Ты решил предъявить его только сейчас?

— Да.

— Почему?

— Потому что до этого не был уверен, что он относится к делу.

Вера остановилась у пассажирской двери.

— А теперь уверен?

— Теперь у нас есть человек с хромотой и короб. Документ может объяснить, почему короб оказался у мастерской.

Он достал из внутреннего кармана сложенный прозрачный файл. Внутри лежала копия листа из журнала передачи: дата, время, номер архива, подпись и короткая помета о выдаче.

Вера не стала брать файл в руки.

— Положи на капот.

Артём посмотрел на неё, но спорить не стал. Развернул лист под светом ближайшего фонаря.

Дата стояла сегодняшняя. Время — 17:40. В графе получателя значилось: «Бережная В. А.». Ниже — подпись, удивительно похожая на её собственную.

— Это не моя подпись, — сказала Вера.

— Я знаю.

— Откуда?

— Потому что видел твою подпись на трёх заявлениях и на протоколе в мастерской. Здесь другая нажимная линия. И чернила нанесены раньше, чем поставлена отметка времени.

Вера наклонилась к листу. Бумага была старая, с мягкими краями, но запись выглядела свежей. Внизу стояла печать архивного корпуса, размытая в одном месте.

— Где ты это взял?

— У Кравцовой.

— Она уже передала тебе копию?

— Нет. Я встретил её час назад, до того как приехал к Воронцову. Она отказалась отдавать журнал, но показала страницу через стекло служебного окна. Я записал всё на телефон.

— Независимого свидетельства на руках нет.

— Есть.

Он достал телефон и включил аудиозапись. Сначала послышался скрип двери, потом женский голос Кравцовой:

— Я не разрешаю снимать журнал.

— Я не снимаю журнал. Я прошу вас вслух подтвердить дату и номер строки.

— Подтвердить могу только то, что вижу. Строка девятая. Короб четыреста двенадцать.

Получатель — Бережная Вера Андреевна. Время выдачи семнадцать сорок.

Дальше в записи раздался мужской голос, глухой, с раздражением:

— Лидия Сергеевна, вы задерживаете работу.

Кравцова ответила ему не сразу:

— Я проверяю полномочия.

— Полномочия указаны в распоряжении.

— Распоряжение составлено задним числом.

Запись обрывалась.

Вера почувствовала холод не от мокрого воздуха. Кто-то внес её имя в архивный журнал, использовал её полномочия или их подобие и сделал это до того, как она вообще увидела письмо.

— Ты хотел предъявить мне это только сейчас, — произнесла она. — Почему?

— Потому что Кравцова не разрешала записывать наш разговор. Я сохранил фрагмент без её ведома и не решился признаться в этом.

— Значит, ты не спросил разрешения и нарушил её доверие.

Артём отвёл глаза.

— Я решил, что риск оправдан.

— Ты решил за неё.

— Если бы я не записал разговор, у нас не было бы независимого подтверждения. Ты сама говорила, что догадка не заменяет документа.

— Документ не заменяет согласия.

— А если из-за этого кто-то исчезнет?

Вера захлопнула файл, но не забрала его с капота.

— Тогда мы обязаны действовать быстро. Но быстро — не значит тайно.

— Ты считаешь, что я должен был оставить доказательство у Кравцовой, даже если его могли уничтожить?

— Я считаю, что ты должен был сказать мне сразу, а не прятать запись в кармане.

Артём сжал челюсть. Свет фонаря лёг на его лицо резкой полосой, подчеркнув усталость под глазами.

— Ты думаешь, мне легко снова оказаться человеком, который решает, кому можно знать правду?

— Нет. Я думаю, тебе слишком легко объяснить себе, почему это необходимо.

Он отвернулся к мокрой улице.

Вера взяла телефон, но не стала включать запись снова.

— Я не буду использовать этот файл без Кравцовой, — сказала она. — Позвони ей. Сейчас. Попроси разрешение сохранить копию и передать её следственной группе. Не убеждай. Не дави. Просто спроси.

— Она может отказаться.

— Тогда мы будем искать другое доказательство.

— А если другого нет?

— Значит, придётся отвечать за то, что есть, а не выдавать твоё решение за её согласие.

Артём несколько секунд смотрел на неё. Потом набрал номер.

Кравцова ответила после третьего гудка.

— Мельник?

— Лидия Сергеевна, я должен уточнить одну вещь. Разговор возле служебного окна был записан. Я не предупредил вас об этом. Это моя ошибка. Вы разрешаете сохранить запись и передать её следственной группе?

В трубке долго шумел ветер.

— Вы уже кому-нибудь её показали?

— Вере Бережной.

— Тогда почему спрашиваете сейчас?

— Потому что должен был спросить раньше.

Ответ последовал не сразу.

— Передать можно. Но только с моим письменным пояснением. И отдельно укажите, что я возражаю против публикации записи и против передачи моего адреса.

— Хорошо.

— И ещё, Артём. Мужчина, который торопил меня у окна, был не Руднев.

Вера подняла глаза.

— Вы его раньше видели? — спросил Артём.

— Видела. В архиве. В день, когда исчез старый журнал доступа.

— Кто это?

Кравцова понизила голос:

— Заместитель начальника корпуса, Серов. Он сказал, что действует по распоряжению Никитина.

Артём записал фамилию. Вера почувствовала, как рядом с именем Никитина появляется новая связка — не доказанная, но уже проверяемая.

— Лидия Сергеевна, — сказала Вера, наклонившись к телефону, — вы готовы встретиться с нами в архивном корпусе?

— Сейчас?

— Да. Нам нужно сопоставить журнал, распоряжение и печать.

— Я не могу открыть хранилище без начальства.

— Тогда встретимся у входа. Вы покажете только то, на что имеете право.

Кравцова помолчала.

— Приезжайте. Но если Серов там, я не буду входить одна.

— Не будете, — сказала Вера. — Мы останемся рядом.

Она завершила звонок и посмотрела на Артёма.

— Теперь можно ехать.

Он убрал телефон.

— Ты всё равно злишься.

— Да.

— Но едешь со мной.

— Потому что решение Кравцовой принадлежит ей. А наше — нам.

Артём впервые за весь разговор позволил себе коротко кивнуть. Они сели в машину, и через минуту Янтарный Берег поплыл за стеклом мокрыми улицами. На перекрёстке у старого трамвайного кольца Вера заметила человека под фонарём: серое пальто, трость в правой руке, левая нога стояла чуть в стороне, будто не слушалась.

Она обернулась, но машина уже свернула за угол.

— Ты видела? — спросил Артём.

— Да.

— Остановиться?

Вера посмотрела на приборную панель, где рядом лежал прозрачный файл с поддельной записью.

— Нет. Сначала архив. Если это тот человек, он должен понять, что мы идём не за ним одним.

— А за кем?

— За тем, кто оформил ему право действовать от чужого имени.

Когда они подъехали к архивному корпусу, у закрытых ворот уже стояла Кравцова, а за её спиной в освещённом вестибюле неподвижно ждал мужчина, которого Вера прежде не видела.

В освещённом вестибюле мужчина стоял, не снимая пальто. Возраст его было трудно определить: сухое лицо, короткие седые волосы, тяжёлые веки. В правой руке он держал трость с чёрной рукоятю, но опирался на неё скорее по привычке, чем из необходимости.

Кравцова заметила его и сразу отступила к воротам.

— Это Серов, — сказала она. — Заместитель начальника корпуса.

Серов повернул голову. Взгляд у него был спокойный, почти усталый.

— Вы опоздали, — произнёс он.

— Нас не приглашали, — ответила Вера.

— А Кравцова вызвана для объяснений. Без сопровождения.

— Она совершеннолетняя и сама решила, с кем входить в здание, — сказал Артём.

Серов перевёл взгляд на него.

— Мельник. Я вас помню.

— Не уверен, что мы раньше встречались.

— Не лично. По фамилии. Вы задавали вопросы о старом журнале доступа.

— И продолжаю задавать.

Серов слегка усмехнулся.

— Вопросы задают те, кто не умеет читать распоряжения.

Вера достала папку с копиями документов и не открыла её.

— Тогда помогите нам. Покажите распоряжение, на основании которого вы требовали от Кравцовой изменить объяснение и убрать из журнала сведения о посетителях.

— Я ничего не требовал.

— Лидия Сергеевна утверждает обратное.

— Она ошибается.

Кравцова побледнела, но голос её не дрогнул:

— Я видела вас в архиве в день исчезновения журнала.

— Вы видели человека в сером пальто.

— Я видела вас.

— Через стекло служебного окна, в дождь?

— Через открытое окно. Вы стояли в трёх шагах от меня.

Артём включил запись на телефоне. В вестибюле зазвучал голос Кравцовой — глухой, с шумом ветра на заднем плане:

— Мужчина, который торопил меня у окна, был не Руднев.

Серов не изменился в лице. Только пальцы на рукояти трости сжались сильнее.

Вера выключила запись.

— Это независимое свидетельство, — сказала она. — Кравцова дала согласие на его сохранение и передачу следственной группе. Отдельно указала, что возражает против публикации и разглашения адреса. Мы не используем её страх как основание для давления.

— Вы называете это давлением? — Серов посмотрел на Кравцову. — Вас никто не удерживает.

— А когда вы пришли ко мне, удерживали? — спросила она.

Он промолчал.

Вера шагнула ближе к стеклянной двери.

— Откройте корпус.

— У меня нет оснований впускать вас.

— У нас есть основания требовать сохранения документов, связанных с исчезновением журнала и подделкой записи. Если вы откажетесь, я зафиксирую отказ и вызову следственную группу.

— Следственную группу вызвали вы?

— Пока нет. Но могу сделать это сейчас.

Она достала телефон. Серов посмотрел на экран, затем на Кравцову.

— Вы понимаете, что из-за вашей ошибки пострададут люди?

— Из-за какой именно? — спросила Лидия.

— Если сведения о закрытом хранилище выйдут наружу, туда полезут все, кому нечего делать. Будут уничтожены документы, названные люди, старые дела. Иногда согласие одного человека приходится принести в жертву безопасности многих.

— Вы говорите о моём согласии? — Лидия сделала шаг вперёд. — Вы взяли мою подпись, когда сказали, что иначе меня уволят.

— Я не угрожал увольнением.

— Вы сказали: «Вспомните, кто подписывает ваши продления».

Вера заметила, как Артём повернул голову к Серову.

— Где распоряжение? — спросил он.

— В кабинете начальника.

— Вы ссылались на него, когда разговаривали с Кравцовой?

— Я действовал в пределах полномочий.

— Это не ответ.

Серов ударил наконечником трости по полу. Звук разошёлся по пустому вестибюлю.

— Вы хотите превратить рабочую процедуру в уголовное дело.

— Возможно, потому что рабочая процедура была оформлена задним числом, — сказала Вера.

Она раскрыла папку и достала копию листа.

— Вот запись в журнале распорядительных документов. Приказ номер двадцать семь от четырнадцатого октября. Подпись Никитина. Но в реестре печатей эта печать появилась только семнадцатого октября. А исчезновение журнала доступа датировано пятнадцатым.

Серов посмотрел на лист.

— Ошибка регистрации.

— Тогда почему в приказе указано, что журнал уже изъят четырнадцатого?

— Я не обязан помнить каждую дату.

— Зато обязан отвечать за документ, на который ссылались от вашего имени.

Артём достал из внутреннего кармана сложенный лист.

— И у меня есть свидетельство, которое не связано с Кравцовой.

Серов впервые проявил интерес.

— Чьё?

— Михаила Андреевича Власова. Дежурного электрика корпуса в ночь с четырнадцатого на пятнадцатое. Он видел, как вы вошли в архивное крыло в двадцать три сорок две. Власов записал время в рабочем журнале, потому что проверял аварийный щит. Рядом с вашей фамилией он указал: «по распоряжению Никитина, ключ получил Серов».

— Этот человек мог ошибиться.

— Поэтому я связался с ним независимо от Кравцовой. Он подтвердил показания письменно и готов повторить их следователю.

Вера взяла лист. Подпись Власова была неровной, с длинным росчерком, а внизу стояла дата — сегодняшняя.

Серов смотрел уже не на них, а на закрытую дверь в глубину корпуса.

— Власов давно на пенсии, — сказал он.

— Значит, на него сложнее воздействовать через продление договора, — ответила Вера. Кравцова тихо выдохнула.

В этот момент из коридора вышел невысокий мужчина в синей рабочей куртке. Он нёс связку ключей и остановился, увидев Серова.

— Власов, — произнёс Артём.

Мужчина посмотрел на него, потом на Веру.

— Я не хотел сюда возвращаться.

— Вы сами решили прийти? — спросила Вера.

— Да. Когда услышал, что Серов опять говорит о безопасности. Он и тогда так сказал. Мол, если кто-нибудь узнает про журнал, город заплатит.

Серов медленно повернулся к нему.

— Михаил Андреевич, вы путаете годы.

— Нет. Я путаю только лица, которые приходят ночью. Ваше не перепутаешь.

Он достал из кармана маленький клетчатый блокнот.

— Я всё записывал. Не потому, что подозревал преступление. Просто начальник ругал нас за отсутствие отметок. Вот здесь время, вот здесь ваш вход, вот здесь — когда вы вышли. А вышли вы не один.

— Кто был с вами? — спросила Вера.

Власов раскрыл блокнот, но ответил не сразу.

— Никитин.

Кравцова прикрыла рот ладонью.

— Он сказал, что журнал нужно убрать до комиссии, — продолжил Власов. — А Серов ответил, что подпись уже есть. Я спросил, почему тогда они торопятся. Никитин сказал: «Потому что Бережная добралась до письма».

Вера почувствовала, как холодеют пальцы.

— До какого письма?

Власов взглянул на неё.

— Не знаю. Но Никитин держал в руке серый конверт. Такой, как у вас на столе.

Артём посмотрел на Веру, однако ничего не спросил.

Серов сделал шаг к двери.

— Вы не понимаете, что открываете.

— Пока мы открыли только вашу ложь, — сказала Вера.

Она набрала номер следственной группы и включила громкую связь.

— Архивный корпус Янтарного Берега, — произнесла она, когда ответили. — Зафиксирована попытка воспрепятствовать доступу к документам, имеется независимое письменное свидетельство очевидца и признаки оформления распоряжения задним числом. Просим направить сотрудников для сохранения места и изъятия оригиналов.

Серов больше не спорил. Он опустил трость, и на мгновение его лицо стало старше.

Лидия посмотрела на Веру.

— Если они потребуют мою подпись ещё раз?

— Вы подпишете только то, с чем согласны, — ответила Вера. — А если откажетесь, это тоже внесут в протокол.

Артём негромко добавил:

— И никто не имеет права назвать ваш отказ угрозой для города.

За воротами вспыхнули фары подъезжающей машины. Вера закрыла папку, понимая, что теперь под ударом окажется не только архив, но и тот, кто когда-то решил: чужое молчание можно оформить как общее благо.

Глава 3. Цена первой ошибки

Фары остановились у ворот, и дождь на мгновение стал белым от света. В приёмную вошли двое: женщина в тёмной непромокаемой куртке и мужчина с плоским кейсом, который он держал обеими руками, будто внутри лежало что-то хрупкое.

— Следственная группа, — представилась женщина, показав удостоверение. — Старший инспектор Кира Власова. Кто отвечает за сохранность документов?

— Сейчас — я, — сказала Вера.

— А до вашего вмешательства?

Вопрос прозвучал спокойно, но Лидия вздрогнула. Никитин отвернулся к окну, Серов неподвижно стоял у стола, опираясь на трость.

— До меня — господин Серов, — ответила Вера. — Он распорядился вывезти часть папок без описи.

— Не вывезти, а передать в хранилище, — возразил Серов. — Для защиты от повреждения.

— Тогда почему в распоряжении указана дата, когда вы ещё не имели полномочий? — спросил мужчина с кейсом.

Он поставил кейс на стойку и достал тонкие хлопчатобумажные перчатки.

Серов медленно повернул к нему голову.

— Вы кто?

— Кузнецов, специалист по документам. Вы можете задать этот вопрос после осмотра. Сейчас я прошу всех отойти от папки с распоряжением.

Вера убрала ладонь с края стола. Артём сделал то же самое, но перед этим посмотрел на неё. В его взгляде не было привычной готовности принять решение за двоих. Только немой вопрос: справится ли она сама?

Она едва заметно кивнула.

Кузнецов сфотографировал папки, стойку, латунный жетон и брелок, лежавшие рядом на чистом листе. Потом попросил Лидию показать, где именно находились документы до прихода Серова.

— В шкафу, — сказала она. — На верхней полке. Папка с зелёной лентой.

— Вы её открывали?

— Нет.

— Кто открывал?

Лидия посмотрела на Никитина.

— Он.

— Я искал распоряжение по списку, — быстро произнёс Никитин. — Мне поручили проверить комплектность.

— Кто поручил?

Никитин замолчал.

Вера открыла журнал выдачи и повернула его к инспектору.

— Вот запись. Он пришёл в шестнадцать сорок две. В графе «основание» оставил пустое место.

Кира Власова прочитала запись, не касаясь страницы.

— Почему вы не остановили его сразу?

Вопрос адресовался Вере.

В кабинете стало тихо. Даже дождь, бывший по стеклу, будто отступил.

— Потому что сначала сочла его сотрудником, имеющим доступ к фондам, — сказала Вера. — Он предъявил пропуск, знал расположение папки и назвал номер дела. Я ошиблась.

Артём чуть повернул голову, но не вмешался.

— Ошиблись в чём именно? — спросила Власова.

— В оценке намерения. Я позволила ему начать поиск без письменного основания. Это дало возможность вынуть документы из порядка хранения и оставить следы, которые теперь придётся восстанавливать.

Никитин резко усмехнулся.

— Приятно, что вы так легко признаёте собственную некомпетентность.

— Я признаю конкретную ошибку, — ответила Вера. — Не вашу невиновность.

Инспектор задержала на ней взгляд, затем попросила Кузнецова осмотреть папку.

Тот открыл её на специальной подложке. Внутри лежали копии договоров, листы согласования, старый реестр и один конверт из плотной серой бумаги.

У Веры перехватило дыхание. Такой же конверт она получила утром. Без обратного адреса. С тем же неровным нажимом на буквах.

Кузнецов достал конверт пинцетом и осторожно развернул. Внутри оказался лист, сложенный вчетверо.

— Это не то письмо, — сказала Лидия. — Я его раньше не видела.

— Вы уверены? — спросила Власова.

— В письме, которое пришло Вере, упоминалась улица Фонарщиков. Здесь её нет.

Кузнецов разложил лист. На бумаге были напечатаны три абзаца и внизу — список фамилий. Рядом с каждой стояла дата и короткая пометка: «согласие получено».

Вера узнала несколько фамилий. Двое давно умерли. Одна женщина, Мария Климова, жила в доме на Приморской и много лет добивалась восстановления права на комнату, которую у неё забрали под предлогом аварийного состояния.

— Что это? — спросил Артём.

— Приложение к протоколу согласования, — ответила Лидия. — Но такого приложения не должно быть. В тот год собирали только заявления о временном доступе к фондам. Жильцов просили разрешить осмотр помещений, не распоряжение их данными и не передачу прав.

Серов постучал тростью по полу.

— Вы всё смешиваете. Люди подписывали согласие на особый порядок. Иначе архив пришлось бы закрыть.

— Особый порядок не означает согласие на всё, — сказала Вера.

— Когда горит дом, не спрашивают, удобно ли вам открыть дверь.

— Но спрашивают, выходить ли через окно, — отрезала она. — Иначе спасение превращается в выталкивание.

Кузнецов поднял лист к свету.

— Здесь есть след от другого текста. Документ перепечатывали.

— Это доказывает подделку? — спросила Власова.

— Пока доказывает только изменение бумаги. Нужно сравнение с исходным экземпляром и экспертиза чернил. Но дата на штампе читается.

Он назвал её.

Лидия побледнела.

— Не может быть.

— Почему?

— В этот день заседания не было. Дворец был закрыт после обвала в северном крыле. Никитин вдруг шагнул к столу.

— Обвал был утром. К вечеру доступ восстановили.

— У вас есть подтверждение? — спросила Вера.

— Я там работал.

— Вы были там? — тихо уточнила Лидия.

Он посмотрел на неё и впервые за весь вечер не нашёл ответа.

Кузнецов перевернул лист. На обороте проступал бледный отпечаток регистрационной печати. Он снял его прозрачной плёнкой, затем сверился с журналом.

— Номер приложения совпадает с номером записи в реестре, — сказал он. — Запись сделана в день обвала. Но подпись ответственного лица появилась позже.

— Позже — это когда? — спросила Власова.

Кузнецов указал на край бумаги.

— Под ультрафиолетом видно два слоя. Основная подпись нанесена недавно, не позднее недели назад. А вот фамилия внизу была напечатана ещё тогда.

Серов тяжело опустился на стул.

Письменное свидетельство Лидии подтверждалось: в тот день не существовало законного заседания, на котором могли бы собрать согласия. Но это не означало, что она была полностью права. Вера понимала это с неприятной ясностью. Лидия не видела, кто взял подписи и как ими распорядились. Её память удерживала страх, но не весь порядок событий.

— Значит, документ подделали недавно, — сказала Власова. — А старый реестр настоящий.

— Да, — ответил Кузнецов. — И в нём действительно есть запись о согласии жителей на доступ к архивным помещениям.

Слова легли между ними тяжёлым грузом.

— Вот, — произнёс Серов. — Я говорил.

— Вы говорили о другом, — сказала Вера. — Согласие на доступ подтверждено. Согласие на передачу личных сведений и изменение прав — нет.

Серов сжал трость.

— Без этого решения архив бы не уцелел.

— Возможно, — ответила Вера. — Но теперь мы знаем, что чужие подписи использовали шире, чем люди разрешали. И знаем, что я позволила человеку вынуть папку без основания. Из-за этого часть цепочки могла исчезнуть.

Артём приблизился к ней, остановился на расстоянии вытянутой руки.

— Ты не обязана нести на себе чужой выбор.

— Нет, — сказала Вера. — Но обязана отвечать за свой.

Он не стал спорить. Только взял из её руки журнал и положил рядом с папкой.

— Тогда начнём с того, что зафиксируем всё до последней строки.

Власова распорядилась опечатать шкаф, изъять распоряжение и вызвать представителей городского архива. Никитина попросили остаться для объяснений. Лидии разрешили уйти, но она не двинулась с места.

— Я хочу подписать показания сейчас, — сказала она.

Вера посмотрела на неё внимательно.

— Только если вы готовы. Не потому, что вас попросили и не потому, что боитесь Серова. Лидия выпрямилась.

— Я боюсь. Но это не значит, что я не могу выбрать.

Вера подала ей чистый лист и ручку. На этот раз никто не подсказывал, что писать. И когда Лидия поставила подпись, она сделала это медленно, проверяя каждую строку, будто возвращала себе не прошлое, а право распоряжаться собственным именем.

Лидия положила ручку и не убрала ладонь с листа. Чернила ещё блестели под светом настольной лампы.

— Прочитайте вслух, — попросила Власова.

Женщина кивнула. Голос у неё сначала дрогнул, но после третьей строки стал твёрже.

— «В день обвала в северном корпусе я находилась в комнате регистрации. Около девяти часов вечера пришёл Руднев. Он сказал, что нужно срочно передать список жильцов и работников, потому что без него спасатели не смогут определить, кто остался внутри. Я отдала ему папку. Позже узнала, что список использовали для оформления доступа к архивным помещениям. Разрешения на передачу личных сведений я не давала».

Она остановилась, провела пальцем по следующей строке.

— Здесь я написала: «Руднев забрал папку силой». Это неправильно.

Серов резко поднял голову.

— Вы сами только что сказали...

— Я сказала, что испугалась, — перебила Лидия. — Но он не вырывал её из рук. Я отдала сама.

В комнате стало тихо. За окном дождь шлёпал по подоконнику, и каждый удар звучал отчётливо, будто кто-то нетерпеливо постукивал костяшками пальцев.

Вера не тронула лист.

— Почему вы написали иначе?

Лидия долго смотрела на свою подпись.

— Потому что иначе мне пришлось бы признать, что я помогла. Не знала, для чего именно, но помогла. Я думала, что спасаю людей. Потом, когда поняла, что список ушёл не к спасателям, а в распоряжение Руднева, было уже поздно. Я решила, что если скажу «он забрал», то это будет не ложью, а... защитой.

— Защитой кого? — спросил Артём.

Лидия подняла на него глаза.

— Всех. Так мне тогда казалось.

— А теперь?

— Теперь я понимаю, что защищала не всех. Я защищала себя от собственной подписи.

Вера почувствовала, как неприятно сжалось под рёбрами. Это признание было важнее прежних обвинений. Ложь, возникшая из страха, не становилась безвредной только потому, что страх был понятен.

Власова осторожно придвинула к себе лист.

— Мы внесём исправление. Первоначальную формулировку зачеркнуть нельзя. Добавим пояснение, что вы добровольно передали папку, не зная о дальнейшем использовании.

— А если из-за этого решат, что я сама виновата?

— Решат, — ответила Вера. — Кто-то обязательно решит. Но запись должна отражать то, что произошло, а не то, что вам легче вынести.

Лидия прикрыла глаза, затем кивнула.

— Тогда пишите как есть.

Серов поднялся. Стул скрипнул по полу.

— Достаточно этого спектакля. У вас есть реестр, подтверждающий общее согласие, и свидетельство женщины, которая сама признаёт, что передала документы. Всё остальное — ваши догадки.

— Не всё, — сказал Кузнецов.

Он стоял у переносной лампы, держа в руках прозрачную плёнку с отпечатком страницы. До этого он молчал, просматривая снимки на планшете.

— В реестре есть запись о согласии жителей на доступ к архивным помещениям. Но рядом указано приложение номер семь. Самого приложения в деле нет.

Серов повернулся к нему.

— Оно утрачено.

— В журнале движения документов стоит другое. Приложение номер семь было выдано Рудневу под расписку через три дня после обвала.

Никитин вздрогнул так заметно, что это увидела даже Лидия.

Вера взяла журнал. На странице, исписанной мелким почерком, действительно стояла знакомая фамилия. Рядом — дата, номер папки и подпись. Подпись выглядела небрежной, будто человек торопился.

— Кто такой Руднев? — спросила она ещё раз, теперь уже без прежней возможности отступить в молчание.

Серов смотрел на неё с раздражением, но ответил Никитин:

— Павел Руднев. Заместитель начальника городской комиссии по чрезвычайным объектам.

— Был? — уточнила Вера.

— Умер семь лет назад.

— И почему его подпись стоит в журнале на выдаче документа?

— Потому что он его получал.

— Тогда почему приложение объявили утраченным?

Никитин провёл ладонью по лицу.

— Его не объявляли утраченным. Его просто... не вернули.

— Это разные вещи, — сказала Вера.

— Да.

Серов медленно опустился обратно на стул. Впервые за весь вечер он выглядел не человеком, который контролирует разговор, а человеком, вынужденным выбирать, какую часть правды отдать следующей.

Артём встал рядом с Верой и наклонился над журналом.

— Здесь ещё одна запись. Через месяц после выдачи папки. «Сверить с материалами по северному корпусу». Подпись не Руднева.

— Чья? — спросила Власова.

Кузнецов увеличил изображение.

— Никитина.

Никитин закрыл глаза.

— Я был помощником комиссии.

— И сверяли? — спросила Вера.

— Нет.

— Почему подписали?

— Потому что Руднев сказал, что всё уже проверено. Попросил поставить отметку задним числом, чтобы закрыть ведомость.

— Вы поставили?

— Да.

Серов ударил тростью по полу.

— Никитин!

— Хватит, — сказал тот, не открывая глаз. — Я думал, речь идёт о техническом приложении. Там были списки помещений, не личные дела.

— Вы видели папку? — спросил Артём.

— Нет. Руднев принёс только сопроводительный лист.

— А подпись поставили.

— Да.

Вера почувствовала не торжество, а тяжёлую усталость. Вот оно, первое объяснение, за которое все держались: будто Руднев единолично присвоил чужие подписи, будто остальные были лишь обманутыми свидетелями. Но теперь выяснялось, что люди один за другим соглашались на маленькие уступки. Передать папку. Поставить отметку. Не спросить, что именно подписываешь. А потом назвать всю цепь одним чужим преступлением, чтобы не видеть собственных звеньев.

Лидия сидела неподвижно.

— В приложении были мои данные? — спросила она.

Никитин посмотрел на неё.

— Я не знаю.

— Вы должны были знать.

— Да.

— Но не знали.

— Да.

Она кивнула, будто получила не ответ, а подтверждение того, чего боялась много лет.

Снаружи послышался звук подъезжающей машины. Свет фар скользнул по потолку и исчез. Власова встала, собрала подписанные листы и убрала их в прозрачную папку.

— Представители городского архива прибыли, — сказала она. — С этого момента все документы передаются под опись. Никитин, вы останетесь для объяснений. Серов, вам придётся представить основания, на которых вы распорядились изъять материалы сегодня.

— Я действовал ради сохранения архива, — ответил Серов.

— Это будет вашей позицией, — сказала Власова. — Не доказательством.

Лидия поднялась. Колени у неё дрогнули, и Вера поддержала её под локоть, но тут же отпустила, когда женщина выпрямилась.

— Я сама, — сказала Лидия.

— Хорошо.

Вера не обиделась. Она всё яснее понимала, что помощь, предложенная без спроса, иногда похожа на продолжение того же давления, против которого они здесь собрались. Лидия не должна была быть благодарной за то, что ей позволили остаться слабой.

У двери женщина остановилась.

— Вера, я хочу забрать копию показаний.

— Получите после регистрации. Вам объяснят, где поставить отметку о получении.

— А если я потом пойму, что забыла ещё что-нибудь?

— Придёте и дополните. Мы внесём это отдельным пояснением.

Лидия посмотрела на неё внимательно.

— Даже если это будет не в вашу пользу?

— Особенно тогда.

Женщина впервые за вечер едва заметно улыбнулась.

— Вы говорите так, будто сами в это верите.

Вера выдержала её взгляд.

— Я учусь.

Когда Лидия вышла, Артём задержался у двери. В коридоре уже слышались голоса прибывших сотрудников и шелест дождевых плащей.

— Ты слишком быстро решила, что должна отвечать за всё, — сказал он негромко.

— Я действительно отвечаю за то, что позволила вынести папку.

— За это — да. Но не за то, что Лидия скрывала двадцать лет.

— Я и не отвечаю. Но теперь я знаю, что её первая версия была неполной.

— Неполная версия не всегда ложь.

— А иногда именно так ложь и выглядит.

Артём посмотрел на неё, и в его лице мелькнуло узнавание — не согласие, а память о собственной ошибке, о которой они ещё не говорили до конца.

— Тогда не торопись выносить приговор, — сказал он.

— Не тороплюсь. Но и не стану снова принимать чужую уверенность за доказательство.

Он кивнул. Между ними осталось расстояние, которое никто не пытался сократить. Вера была благодарна ему за это больше, чем смогла бы выразить.

В комнату вошёл молодой сотрудник архива с папкой под мышкой. За ним показалась женщина в тёмном пальто, представившаяся заведующей фондом. Она предъявила удостоверение, выслушала Власову и принялась проверять печати на шкафу.

Пока остальные обсуждали порядок передачи, Артём взял со стола серый брелок. Под потёртой краской буква «Р» казалась почти стёртой.

— Смотри, — сказал он.

На внутренней стороне кольца, там, где металл был закрыт пластиковой накладкой, виднелась тонкая царапина. Не случайная: три короткие линии и одна длинная.

Вера не стала касаться предмета.

— Фотография есть?

— Есть. Но это пока только знак.

— Тогда не превращай его в ответ.

Артём убрал брелок обратно в пакет.

— Не превращу.

Вера посмотрела на журнал, на подписанные показания Лидии, на Никитина, который теперь сидел под наблюдением сотрудников следственной группы. Документально подтверждалось главное: согласие на доступ к помещениям существовало. Но право распоряжаться личными сведениями из него не следовало. Между двумя фразами пролежала пропасть, которую годами закрывали чужими подписями.

И теперь им предстояло выяснить, кто первым решил, что эту пропасть можно выдать за дорогу.

Кто первым решил, что эту пропасть можно выдать за дорогу.

— Начните с журнала выдачи, — сказала Вера.

Заведующая фондом, представившаяся Мариной Власовой, подняла глаза от печати на шкафу.

— Журнал находится в основном хранилище. Доступ к нему только у сотрудников фонда.

— Вы сейчас его принесёте?

Власова на секунду посмотрела на специалиста Кузнецова, который стоял у двери и просматривал изъятые бумаги.

— Принесу.

Она ушла в коридор. Артём проводил её взглядом, потом повернулся к Вере.

— Ты думаешь, запись там будет?

— Я думаю, что если её нет, это тоже ответ.

Лидия вернулась из коридора и села у окна, прижав к коленям мокрый платок. Ей предложили чай, но она отказалась. За стеклом дождь размазывал огни по двору, и от этого окна казались не частью здания, а чужими, далеко расположенными фонарями.

— Руднев работал здесь? — спросила Вера.

Лидия вздрогнула.

— Не числился штатным сотрудником. Он был консультантом комиссии по сохранению городских коллекций.

— Какой комиссии?

— Её уже нет. После реорганизации всё объединили, потом расформировали. Названия менялись, люди оставались.

— А кабинет Руднева где находился?

— В старом административном корпусе. На улице Фонарной, рядом с бывшей водонапорной башней.

Артём поставил пакет с брелоком на край стола.

— Почему на жетоне тот же номер, что на брелоке?

Лидия посмотрела на прозрачный пластик.

— Потому что это не брелок.

— А что?

— Бирка от связки ключей.

— От каких?

— От кабинетов комиссии. На каждой связке был номер помещения и буква корпуса. Буквы стирали, когда кабинеты переименовывали. Номер оставался.

Вера почувствовала, как внутри неприятно сжалось. Обычный серый пластик, который Никитин собирался унести в карман, вдруг вернулся в прошлое не символом, а частью учёта. Вещью, которую когда-то выдавали под роспись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.